

Асоян Ю.А.®

МЕТАФИЗИКА БЕЗОТЦОВСТВА У ГРЕКОВ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ В.В. БИБИХИНА

Аннотация. В статье рассматривается интерпретация Владимиром Бибихиным платоновского «Алкивиада I», где отправной точкой является тема незнания как «бездотцовства», «оставленности», «покинутости» и школы как «заботы о себе». Интерпретация В. Бибихина сопоставляется с трактовкой М. Фуко.

Ключевые слова: «бездотцовство»; «сиротство»; «забота о себе»; «школа»; «начало философии».

Asoyan Yu.A.

**Metaphysics of fatherlessness in the Greek culture
in the interpretation of V.V. Bibikhin**

Abstract. The article discusses the interpretation of Vladimir Bibikhin Plato's «Alkibiades I», where the starting point is the topic of an idea of ignorance as «fatherlessness» and «abandonment» and a school as «self-care». The interpretation of V. Bibikhin is compared with the interpretation of M. Foucault.

Keywords: «fatherlessness»; «orphanhood»; «self-care»; «school»; «beginning of philosophy».

Слово «метафизика», используемое в контексте обсуждения сиротства, вызывает почти очевидную неловкость. Эта неловкость, кажется, возникает от того, что тема сиротства, несмотря на все ее значимые культурно-исторические развороты, всегда напоминает о драме: не о метафизике, а о драме, жизненных ситуациях и положении детей, оставшихся без попечения родителей. Поэтому мне бы очень не хотелось, чтобы обсуждаемая ниже тема – очень локальная по сюжету и материалу – была истолкована как какая-нибудь *благодушная метафизика безотцовства*. Действительно, бывает род метафизики – философских рассуждений – которые призываются как своего рода успокоительное, и потому обманчивое, средство. Вместе с тем ситуации сиротства подчас прямо-таки взывают к постановке «последних», как говорил когда-то Достоевский, вопросов – если не общефилософских, то по крайней мере этических. У Алена Бадью есть небольшое по объему, но весьма содержательное эссе (трактат) под названием «Этика» [1] – в нем он выстраивает *этику ситуаций*^{1*}. Бадью основывается не на понятиях всеобязательной нормы или добродетели, не на этике «прав человека» и не на благородном понятии «Другого». Эти концепции и стоящие за ними социальные практики он подвергает сокрушительной критике. Свою этику он строит на понятии *ситуации* – и то, что он говорит, очень подходит к анализу *сиротства* как неповторимой, хоть и каждый раз возвращающейся ситуации в мире^{2*}. Так что, думаю, метафизика не обязательно уводит – подчас она и приводит – иной раз в самое средоточие проблемы. Мысль В. Бибихина как раз из разряда не отвлеченностей; скорее это особым образом вовлеченное в мир мышление, приводящее к обнаружению по каким-то причинам не распознанного прежде положения вещей.

В статье речь пойдет о конкретном и совсем небольшом по количеству посвященных этой теме страниц сюжете из курса Бибихина. Сам курс называется «Собственность»^{3*} [3] (он был прочитан в МГУ в 1993/94 учебном году)^{4*}. На первый взгляд может показаться, что в названном курсе много странностей. В нем Бибихин предлагает продумать «собственность», настаивая на том, что наша «непродуманность в собственности» чревата бедами. Владимир Вениаминович обратился к этой теме в 1993 г. и можно предположить, что это, во-первых, уже тогда был некий его ответ на беззастенчивую и нахрапистую приватизацию (кстати говоря, оставившую ни с чем именно

обездоленных, и в их числе не в последнюю очередь – сирот), а с другой стороны, и это уже во-вторых, все-таки некоторая надежда Бибихина на то, что если собственность «правильно поставить», верно понять и как-то исправить с умом – так и в России дело заладится. В этом выяснении собственности как происходящей из «собственного» Бибихин вынужден разбираться и со «своим/собственным», с тем, что именно оно такое есть. Несколько занятий он уделяет «разысканиям своего» (*собственно своего – αὐτός τὸ αὐτό*) в «Алкивиаде I» Платона. И тут – не вдруг, хотя довольно неожиданно – обращается к теме безотцовства. Владимир Бибихин всего лишь раз употребляет слово «сиротство», в основном он говорит именно о безотцовстве. Причем речь идет сначала о *настроении безотцовства – о настроении оставленности, покинутости, заброшенности*, о том, что, по Бибихину, определяет слишком многое в философии, знании, да и культуре в целом (в России тему отцов и культуры как отношения с отцами головокружительно высоко поставил в свое время Николай Федоров, и Бибихин, конечно, упоминает его в своем разборе [2, с. 72].

Если обратиться непосредственно к толкованию «Алкивиада», то тема безотцовства вводится напоминанием о безотцовстве главного героя. И это безотцовство сразу вырастает до какого-то вселенского масштаба. Да, Алкивиад вырос без отца. У Сократа в этом смысле вроде бы все в порядке. Тем не менее о *безотцовстве* напоминает Алкивиаду именно Сократ. Он, если я правильно понимаю экзистирующее толкование Владимира Бибихина, для начала не просто вводит, а чуть не вталкивает Алкивиада в соответствующее настроение – оставленности, покинутости. И через это самим Бибихиным ставится тема *настроения*: безотцовство определено как *фундаментальное настроение*. «Настроения, лежащие в основе, – пишет он, – Grundstimmungen, по Хайдеггеру, по Розанову, ими создается все главное в истории, ими определяются эпохи» [2, с. 73]. Мне кажется, что прежде чем говорить о настроении безотцовства, нужно эту бибихинскую тему определяющей значимости самого *настроения* подчеркнуть, вывести на первый план, оставить в стороне ее просто нельзя. Бибихин замечает, что тема настроения в мысли – основная тема Хайдеггера и Розанова. С осторожностью я бы добавил к ним еще и Делёза с Гваттари. В работе «Что такое философия?» они утверждают, что философское мышление включает не только творчество концептов. Здесь

значимы и «реперные точки» – те концептуальные персонажи, вокруг которых так или иначе строится философия (для Ницше, например, один из концептуальных персонажей – это Сократ, для Хайдеггера – уже сам Ницше). А, кроме того, важен «план имманенции» [4, с. 48–79]. Последнее – что-то близкое настроению-настрою мысли (некое неконцептуальное, интуитивное переживание [4, с. 55]), и может быть – определяющая эмоция самой мысли, будь то раздражение или досада, радость открытия или сожаление об утрате.

Профессор философского факультета Хильдесхаймского университета ФРГ Рольф Эльберфельд также говорит о лежащем в основании мышления том или ином настроении [8, с. 70–80]. В основании буддистской философии – одно настроение (настроение, связанное с опытом страдающей печали), в основании греческой, по тому же Эльберфельду, – настроение удивления. Про удивление в греческой философии уже и прежде говорилось много, но основная тема Сократа, в интерпретации Бибихина, все-таки связана с пониманием сознающего себя незнания не как удивления, а как *покинутости, заброшенности, безотцовства*. Как это может быть? Послушаем, что говорит Бибихин (в круглых скобках время от времени будут отмечены места из текста «Алкивиада I», к которым отсылает Бибихин): напомнив о том, что отец у Алкивиада погиб, Бибихин подмечает, что «...и в другом смысле Алкивиад, Сократ **потерянные одинокие в безотцовстве**: давно прервалась ниточка, ведущая их род от богов». «... Мы “сами идиоты и наши отцы”, *άυτοί τε ίδιόται καί οἱ πατέρες* (121 a). Все, что мы можем выставить в виде родословной... смешно царям царей и царственным потомкам царей, например в Персии и Лакадемоне» [2, с. 72]. Безродные мы случайно приходим на свет, «и хорошо, что мы отрезвили, хоть заметили это. Царей от рождения принимают руки лучших наставников, их рождение историческое событие, ради них живет земля – а твое и наше рождение даже и соседи не замечают, до воспитания нашего и образования никому нет дела (122 b). Брошенные дети, бедные, здесь в этой маленькой Греции. Боже мой, и хотим еще чего-то, с кем-то соперничать, когда у нас ничего нет... Нас бросили; брошенные, мы ничем не владеем...» [2, с. 72]. Ничем, замечает Бибихин, «...кроме *έπιμέλεια* и *σοφία*. Только они есть достойные упоминания у эллинов (123 d)» [2, с. 72].

Настроение безотцовства, покинутости выступает как основное настроение сократовской школы, хотя и далеко выходит за ее границы^{5*}. «Абсолютная необходимость терпеливой скромности школы у Сократа, – подчеркивает Бибихин, – связана… с настроением брошенности, оставленности». И практически тут же: «Некоторые думают, что оставленность, брошенность, безотцовство, настроение бодрой внимательной настороженности, упорства и усилия (как брошенный в лесу, чтобы не пропасть, должен собраться) это черта Запада. Нет, это черта мировой эпохи, которая длится уже долго. Думать, что восточные как-то особенно причастны к соборности или космосу или к другим богатым вещам, – признак сиротства, дошедшего от отчаяния уже до бреда. Нет, у восточных не больше, чем у Алкивиада, интимных отношений с божественными отцами…» [2, с. 75]. «Еще раз: суть настроения, на котором стоит сократовская школа, в том, что человек встретился с непоправимыми вещами. Если отец погиб, это поправить уже нельзя. Кажется, что можно поправить бедность, на самом деле это так же трудно, как брошенность. Школа не для того, чтобы восстановить непоправимое; она скорее вообще не “для того”, а “оттого”: от опоминания, замечания своей ситуации, *ничего не оставляющей, кроме внимания и усилия*. Как нельзя поправить непоправимое, так и сократовская школа ничему не учит, так сказать, кроме самой себе» [2, с. 75]. Но теперь всякий раз, «когда мы говорим: “школа”, то понятие [это] пусто без настроения смиренного и трезвого, от серьезности высокого, от печали торжественного чувства брошенности, оставленности, безотцовства: отцы были, божественные, могли быть, потому что у кого-то явно остались – но их нет. В этой брошенности, раз она узнана, есть решимость, даже яростная, не согласиться на подставных отцов, противостоять отвратительным претензиям захватчиков пустого, опустелого места» [2, с. 72–73].

Печаль безотцовства не позволяет мириться с подделками, с самозванными претензиями. Ей свойственна настороженность и недоверие к выдаваемому за несомненное, готовое, общепринятое. Кроме того, в безотцовстве авторитеты-отцы всегда присутствуют, присутствуют и как отсутствующие. Причем это их присутствие не менее значимо чем «наличное бытие»^{6*}. По Бибихину, повторим, настроение безотцовства сплетено с незнанием: «когда отца нет, когда отец подвел, в двух смыслах, и не на высоте божественной, и не жив, все, что есть в нас,

теряет значение, наше знание становится нулевым» [2, с. 73]. «Переход от незнания к безродности и безотцовству, не перескок, – тут же пишет он, – ...незнание и заброшенность в безродности одно и то же» [2, с. 72]. Греки мыслятся им вброшенными в безотцовство, безродность, незнание (которое, правда, становится сознающим себя незнанием). Напрашивается сравнение «Алкивиада I» с платоновским же «Тимеем». Солон рассказывает здесь, что когда он в своих странствиях прибыл в Египетский Саис, его приняли с большим почетом; когда же он стал расспрашивать о древних временах самых сведущих из жрецов, ему пришлось убедиться, что ни сам он, ни вообще кто-либо из эллинов, можно сказать, почти ничего об этих предметах не знает. «Ах, Солон, Солон! Вы, эллины, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца!» – «Почему ты так говоришь?» – спросил Солон. – «Все вы юны умом, – ответил тот, – ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, поседевшего от времени» [5, с. 426]. Не сохранив в себе *предания* в той мере, в какой хранит его Египетский Саис, греческий мир вынужден восполнять это отсутствие упорством в знании. И не менее того – проявлять недюжинное рвение в самоопределении, в попытке разобраться, что такое ты сам, – в ситуации, когда готового, заранее поданного, оберегаемого и хранимого представления уже нет. Никто, кроме самого тебя, не скажет, кто ты есть! А если и скажет, то как Эдипу оракул в Дельфах. И это сказанное еще предстоит самому ему распутать – расколдовать.

Итак, осознающее себя незнание – основой которого оказывается фундаментальное настроение покинутости и безотцовства, – это, по Бибихину, настроение школы. И здесь он, применительно к тексту «Алкивиада I», наряду с известным греческим «*схолэ*» (школа, досуг, свободное времяпровождение), часто использует другое существительное, на которое в свое время обратил пристальное внимание Фуко. Это слово – *έπιμέλεια* (эпимелейя). У Фуко оно переведено как «забота», *έπιμέλεια* *έαυτοῦ* – «забота о себе». В истолкованиях сократической «заботы о себе» Фуко обращается в основном к двум платоновским текстам. Это, во-первых, все тот же «Алкивиад I» (самый платоновский диалог в определении Т.В. Васильевой, хотя и вызывавший сомнения в своей принадлежности к числу «собственно платоновских»). Но кроме того еще и «Лахет». В отношении к «заботе о себе» Фуко

едва ли не противопоставляет содержание «Лахета» и «Алкивиада I». С одной стороны, в обоих диалогах есть общая основа: речь идет о том, что нужно позаботиться о воспитании юношей. «Вот только в “Алкивиаде” эта тематика воспитания / небрежения / заботы довольно быстро подводит к классической проблеме: о чем нужно заботиться?» И выясняется, что заботиться нужно о *душе*, так что «тема *epimeleia* сразу и непосредственно подводит к принципу существования души». Тут же возникает вопрос, что такое душа, хотя ответ на него не дан. В «Лахете» же, по Фуко, просматривается совсем иная линия диалога: «объектом, которым надо заниматься, оказывается не душа, но жизнь (*bios*), – в толковании Фуко это не что иное, как «образ жизни» – понятие, напряженно сопрягающее в себе не только *bios*, но и *ethos*, которые вместе и составляют «цель *epimeleia*» [6, с. 135]. Вместе они становятся целью *epimeleia*, а кроме того – объектом парасиастических практик – мужества истины – не только политических, скорее этических практик веридикии – высказывания правды о себе и других, приводящих к формированию этического субъекта.

В своем разборе «Алкивиада I» Бибихин упоминает однажды имя Фуко [2, с. 86]. Но фукольдианское толкование платоновского «Алкивиада I» (так же как и его толкование «Лахета») не упоминает вовсе. Очень возможно, что в начале 1990-х он с этими толкованиями (и соответствующими текстами Фуко – курсами в Коллеж де Франс) по-просту еще не был знаком. Систематическая публикация курсов Фуко в Коллеж де Франс пришла на начало 2000-х. Вместе с тем первая русская публикация фрагмента из курса «Герменевтика субъекта», курса, где Фуко обратился к толкованию «Алкивиада», состоялась еще в 1991 г. [7, с. 284–291]. Так или иначе приходится признать, что фукольдианские толкования Алкивиада никак не учтены Бибихиным в его собственном разборе. Становится ли от этого его толкование менее значимым? На мой взгляд – точно нет. Даже напротив, толкование Бибихина еще и сейчас может существенно восполнить ту картину *epimeleia heautou*, которая сложилась через ставшие популярными тексты Фуко. Бибихин толкует *epimeleia* – не как заботу, он переводит это важное понятие едва ли не буквально – как прилежание; *έπιμέλεια ἑαυτοῦ* – у Бибихина это особый род прилежания – прилежание в себе, целью которого является *согласие с собой*... От несогласия с собой – раздор и война, пишет Бибихин. Когда платоновский Сократ едва ли

не льнет к Алкивиаду с вопросами о своем собственном, то и Платон, пишет Бибихин, тоже «льнет к главному, к узлу древней и современной истории, к греческому взрыву, когда античная культура была сорвана, ее рост [был подменен. – Ю. А.] территориальной экспансией» [2, с. 64]. Поэтому-то разговор Сократа с Алкивиадом – и не разговор во все, подчеркивает Бибихин: «*Игра идет очень крупная, головокружительно крупная, так что даже не верится, что человек Платон может так крупно играть*» (курсив мой. – А. Ю.) [2, с. 65]. Ставки очень большие – вопрос о полноте человечества – нужно ли, замахнувшись на человечество, идти «топтать Азию» [2, с. 65], или, превзойдя и преодолев изначально непоправимые сиротство-оставленность-безотцовство, размахнуться до человеческого рода – в себе?

Следуя этому толкованию платоновского Алкивиада I, поиск своего и согласие с собой – это ничуть не меньше, как вопрос войны и мира, вопрос полноты мира и полноты собственного бытия. Поэтому – думать о согласии каждого с самим собой как-нибудь слишком просто – через вносимое педагогами мировоззрение, или даже особое воспитание, или дисциплину, скажем, внутреннюю – «*тоскливо, слишком ясно, что это тупик*», – пишет Бибихин [2, с. 81]. У Платона согласие каждого с самим собой выглядит как что-то большее: «*согласие каждого с самим собой возможно только так, что каждый вольется в свое, будет занят, захвачен, растворен, поглощен собственно своим и род этого влечения назван в 126 е: соединиться с собой нужно как отец с сыном, как мать с ребенком, как брат с братом, как муж с женой. Не ставится вопрос, а есть ли вообще у человека, каждого, "свое". Ах господа, не ставится вот у Платона и вообще в важной, великой мысли, всякой, этот вопрос, что такое свое, да и есть ли оно вообще, а может быть его и нету вовсе. Эти и подобные вопросы в настоящей мысли просто не стоят, господа...*» Не вопрос для Сократа, есть ли свое и что такое свое... – забота его в другом, отличить свое принадлежности от собственно своего» [2, с. 81]. Поэтому еще и еще раз: ситуация безотцовства, сиротства, вызываемая ею растерянность незнания (даже и знающего себя незнания, которое вернее и основательней всякого мнимого знания, всякой прочной уверенности в себе), может быть встречена только особым способом быть, связанным с «прилежанием в себе», если угодно, то и ответственностью – за свое в себе. Это прилежание и ответственность у греков – *έπιμέλεια*

έαυτοῦ. Она близка школе, говорит Бибихин. Потому что и школа, σχολή, – это не просто «свободный досуг». Безотцовство, изначальное наше сиротство, говорит Бибихин, должно расположить нас – к школе, а эта последняя не дисциплина только, и даже не самодисциплина, а вдумчивость – «медление» мысли, и никак не торопливое «знание ответов»^{7*}.

В конце концов, читая Бибихина, можно сказать, мне кажется, что безотцовство / сиротство определено им как исторический / человеческий вызов и как судьба. Как судьба – поскольку и тот, кто еще не осиротел, рано или поздно – как это ни печально – осиротеет. Но это и не просто судьба, это вызов, бросаемый обстоятельствами (ситуацией или все той же «судьбой») – вызов, требующий ответа. И ответ на этот вызов, по всей видимости, – по крайней мере из того, что говорит Бибихин, это тоже следует – может состоять и состоит в *особом способе быть*. Этот способ быть раскрывается Бибихиным, как он иначе, но тоже раскрывается, и Мишелем Фуко. Оба – и Фуко, и Бибихин – обращаются к понятию *ερίτελεία*. По Фуко, сократическая *ερίτελεία* – это забота; и забота о пресловутой *душе*, но еще больше – забота о своем *образе жизни*. Как обязательный элемент она входит и в практики стоиков, и в представление об истинной жизни в кинизме. В отличие от Фуко, Бибихин переводит *έπιτελεία* – и перед нами нечто многое большее, чем только «перевод» слова или даже группы слов – не столько как «заботу» (и уж тем более не как какую-нибудь «заботу-ценность» собой) – но как «прилежание», особое усердие по части *собранности в себе*, без которой немыслима *собранность полиса и мира*. «После человеческого знания незнания, смирения, школы, взгляд в собственно человека, в себя самого человека открывает окошко куда-то очень далеко» [2, с. 86]. [Бибихин 2011: 86], – отмечает в связи с этим Бибихин. Так что поиск собственно своего в самом себе неожиданно открывает и родовое, и весь мир. Вспоминается довольно известное изречение Гераклита: «границ души не отыскать, в каком бы направлении ты ни пошел». Так что оставленность и заброшенность в безотцовстве становится стимулом особой явленности мира, в которой, хочется думать, преодолевается печаль безотцовства и всечеловеческое сиротство.

Примечания

1* *Ситуация и событие* – это и ключевые слова Бибихина, уже поэтому об этике ситуации и философии события Бадью здесь нужно говорить.

2* Как правило, констатирует Бадью, «этика запрещает себе осмысление единичности складывающихся ситуаций, с которых обязательным образом начинается всякая собственно человеческая деятельность» (*Бадью А. Указ соч., С. 31*). Но события – «суть неприводимые [к общему. – Ю. А.] единичности», и как таковые, как единичные ситуации, они оказываются «вне закона» (там же. – С. 68). Поскольку событие для вовлеченного в него человека хотя бы какой-то частью всегда помещается вне всяких стандартных законов, оно «вынуждает изобретать способ быть и действовать» (там же. – С. 65), упорствуя в своем бытии.

3* *Бибихин В.В. Собственность. Философия своего.* – СПб.: Наука, 2012. – 536 с. Отдельная часть курса, посвященная разбору платоновского «Алкивиада I», была опубликована в журнале «Логос» (см.: *Бибихин В. Поиск своего в «Алкивиаде» Платона // Логос. – 2011. – № 4 (83). – С. 63–88*). Именно это издание мы в основном и используем в данной статье.

4* В Европейском университете в Санкт-Петербурге в 2008 г. состоялась конференция, посвященная 70-летию Бибихина, на конференции обсуждалась и тема «собственности» у Бибихина (доклад О.В. Хархордина). В.В. Бибихину в 2018 г. ему исполнилось бы 80 лет.

5* С этого настроения, полагает Бибихин, начинается и Возрождение: ранняя поэтическая философия снова берет начало в «той же отчаянной бодрости, печального одиночества оставленных, поздних одиноких детей» (там же. – С. 73).

6* Прислушаемся еще раз к словам Бибихина: «В знающем незнании отцы присутствуют полновесно, как только они могут присутствовать в мировую эпоху оставленности – присутствуют своим отсутствием: в отличие от слепоты, от забывчивости, которая “проглатывает” ситуацию безотцовства, знающее незнание – это постоянное присутствие отцов именно как отсутствующих» (там же. – С. 73).

7* «Школа, “схоле” этиологически “задержка, остановка, медление”, и тут мы в который раз удивляясь языку нашему собственному, вспоминаем, что русское медление этиологически связано с мыслию, а с греческим соответствием – родственным словом – “медления”, *έπιψέλεια*, мы много раз встретимся в “Алкивиаде” и не будем знать как его перевести, потому что ближайшее, почти тождественное понятие найдем только в латинском *stadium*, которое тоже не переводится на русский язык, разве что “школа”» (там же. – С. 71) – так что круг, можно сказать, замкнулся....

Список литературы

1. *Бадью А. Этика. Очерк о сознании зла.* – СПб.: Machina, 2006. – 126 с.
2. *Бибихин В. Поиск своего в «Алкивиаде» Платона // Логос. – М., 2011. – № 4(83). – С. 63–88.*
3. *Бибихин В.В. Собственность. Философия своего.* – СПб.: Наука, 2012. – 536 с.
4. *Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия?* – СПб.: Алетейя, 1998. – 95 с.

5. Платон. Тимей (22 b) // Платон. Собр. соч.: В 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – С. 426.
6. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году. – СПб.: Наука, 2014. – 358 с.
7. Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-Логос: социология, антропология, метафизика. – М.: Прогресс, 1991. – Вып. 1: Общество и сферы смысла. – С. 284–291.
8. Эльберфельд Р. Знание и самотрансформация в буддизме // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. – М.: Логос, 2017. – Ч. 3: По дороге с самим собой.. – С. 70–80. *Elberfeld R. Wissen und Selbstransformation im Buddhismus // Weisheit – Wissen – Information / hrsg. von Karen Gloy u. Rudolf zur Lippe.* – Гöttingen, 2005. – С. 265–276.

References

1. Bad'yu A. Etika. Ocherk o soznanii zla. – CPb.: Machina, 2006. – 126 s.
2. Bibihin V. Poisk svoego v «Alkiviade» Platona // Logos. – M., 2011. – № 4(83). – S. 63–88.
3. Bibihin V.V. Sobstvennost'. Filosofiya svoego. – SPb.: Nauka, 2012. – 536 s.
4. Delez Zh., Gvattari F. Chto takoe filosofiya? – SPb.: Aletejya, 1998. – 95 s.
5. Platon. Timej (22 b) // Platon. Sобр. соч.: V 4 т. – M.: Mysl', 1994. – T. 3. – С. 426.
6. Fuko M. Muzhestvo istiny. Upravlenie soboj i drugimi II. Kurs lekcij, prochitannyh v Kollezh de Frans v 1983–1984 uchebnom godu. – SPb.: Nauka, 2014. – 358 s.
7. Fuko M. Germenevtika sub"ekta // Socio-Logos: sociologiya, antropologiya, metafizika. – M.: Progress, 1991. – Vyp. 1: Obschestvo i sfery smysla. – С. 284–291.
8. El'berfel'd R. Znanie i samotransformaciya v buddizme // My vse v zabote postoyannoj... Konsepciya zaboty o sebe v istorii pedagogiki i kul'tury. Ch. 3. Po doroge s samim soboj. – M.: Logos, 2017. – S. 70–80. *Elberfeld R. Wissen und Selbstransformation im Göttingen, 2005. – S. 265–276.*